

По сравнению с романом код сказки можно рассматривать как формальный и однослойный.⁷⁷ Функция отлучки, к примеру, выявляется в сказочном тексте едва ли не в своем чистом виде. Если герой отлучается из дома, он уезжает просто в «чужие страны» или просто «собирается в путь». Конкретизация сюжетных функций, персонажей и добываемых ценностей еще минимальна.

В реалистическом романе, напротив, над первичным, сюжетным, кодом надстраивается новый — культурно-исторический. Вторичный код — это код той культуры, к которой приурочено действие произведения: способов общения, условий воспитания, манер, языковых норм, господствующих мод, характерных жестов (кинетика) и т. п., и т. п. В «Капитанской дочке» перед нами возникает не отвлеченная семейная ситуация («жили-были старик со старухой»), а ситуация, кодифицированная по правилам дворянской эпохи, с беспутным французом-ментором, дворовыми девками, дядькой из стрелянных и т. д.

Вторичный код подвижен, меняется от романа к роману, от одного исторического периода к другому. Он затемняет, делает скрытым сюжетное строение романа, расшифровать которое иногда бывает крайне затруднительно. Сказка же словно бы сама вкладывает в руки исследователя те абстракции своей структуры, к которым нужно свертывать, сводить конкретно-исторические коды литератур XVIII—XX вв. Итак, пушкинская повесть — не только костяк функций, и об этом нужно помнить даже тогда, когда анализ направлен преимущественно на первичный уровень произведения.

Развитие действия от отъезда до сцены метели и встречи с Вожаком идет специфическим путем. Специфика заключена в том, что это — сказочное испытание с элементами травести и одновременное предвосхищение главного испытания, которому будет подвергнут герой пушкинской повести в Белогорской крепости.

В том отрезке повествования, который завершает первую главу «Капитанской дочки», налицо все системные признаки испытания. Гринев встречается со своим антагонистом — Зуриным. Этот персонаж, как в сказке, становится точкой пересечения функций выведывания и подвоха. Происходит нарушение запрета (отец запрещает Петруше отправиться в Петербург, в гвардию: «Чему научится он служба в Петербурге? мотать да повесничать!»),⁷⁸ однако герой ведет себя, по его собственным словам, «беспутно» — проигрывает дорожные деньги, напивается пьян).

Между тем нарушение запрета не грозит серьезной бедой герою, интерпретируется анекдотически. В травестижно отмеченный контекст помещается сказочно-мифологическая тема триумфально-успешного обучения: Зурин «дивится ... быстрому успеху» Гринева только для того, чтобы обмануть простодушного недоросля, вынудить его скорее начать игру на деньги. Поединок с антагонистом разворачивается не в чистом поле, а на зеленом сукне бильярдного стола. В сказке временная смерть часто замещается сном. Сон в сказке, по сути, эквивалентен смерти: «Долго же я спал!» — вот первое, что обычно произносит сказочный герой после того, как его оживляют. В «Капитанской дочке» на месте конвенциональной

⁷⁷ Разумеется, только по сравнению с романом. При сличении с мифом сказка, наоборот, выглядит более капризным, более труднодоступным для системного описания объектом, ибо она «дает больше возможностей для игры, изменения здесь становятся относительно свободными...» (Lévi-Strauss. L'analyse morphologique des contes russes, p. 134).

⁷⁸ Пушкин. Полное собрание сочинений, т. 8. Изд. АН СССР, (Л.), 1938, стр. 282. Все дальнейшие цитаты приводятся по этому тому.